

175-5-1
ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 3

МАРТЪ

1874

ЗАМѢТКИ О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ХИВѢ ВЪ 1873 ГОДУ.

По возвращеніи изъ Новаго Ургенча мнѣ представлено отправиться для астрономическихъ работъ въ городъ Хиву, гдѣ уже возстановлена была власть прежняго хана, и при немъ учрежденъ русской совѣтъ. Председатель совѣта, подполковникъ И., предупредилъ хана, что, 24-го июня, придутъ въ Хиву русскій офицеръ для астрономическихъ работъ вблизи ханскаго дворца или въ самомъ дворцѣ. Ханъ хотя выказалъ при этомъ извѣстнѣе недобѣріе, но отвѣчалъ, что радъ имѣть русскаго офицера гостемъ. 23-го июня подполковникъ И. передалъ мнѣ, что, на другой день, утромъ, около девяти часовъ, онъ меня можетъ представить хану въ саду, куда ханъ ежедневно прѣзжаетъ на засѣданія совѣта. «Прошу васъ», прибавилъ подполковникъ И., «не брать съ собою никакого конвоя, а ограничиться, по возможности, однимъ человекомъ для необходимой прислуги при работахъ, чтобы не возбудить излишняго противъ себя недобѣрія».

24-го числа, утромъ, часовъ въ девять, тронулся я изъ лагеря съ необходимыми инструментами, съ однимъ казакомъ и однимъ татаринкомъ-переводчикомъ. Пройдя съ версту отъ лагеря и, не доходя нѣсколько шаговъ до городской стѣны, я увидѣлъ вѣло отъ дороги, въ саду, двѣ кибитки, около которыхъ почтительно стояли мохнатые шапки; передъ воротами сада толпился народъ. По рассказамъ я былъ нѣсколько ознакомленъ съ мѣстностью, а потому безъ разспросовъ подѣхалъ къ входу. Толпа у воротъ почтительно поднялась и пропустила меня къ кибиткамъ. Русская рѣчь, слышавшаяся оттуда, показала мнѣ, что я не ошибся, и что я нахожусь въ мѣстѣ засѣданій совѣта.

— А, вы это на звѣзды пожеловали смотреть, говорилъ подполковникъ Х.; прекрасно, вы можете, не медля, продолжать вашъ путь

въ городъ, вчера уже о васъ было говорено и ханъ согласился на вашъ прѣздъ.

— Въ городъ я еще успѣю къ десяти часамъ, а теперь я желаю бы видѣть подполковника И., который назначилъ мнѣ это время для того, чтобы представить меня хану.

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться и немного подождать; скоро будетъ нашъ предсѣдатель, а за нимъ и правитель ханства.

Кибитка, въ которой я уже стоялъ, не представляла никакой роскоши; на землѣ были поставлены ковры, не отличающіяся ни рисункомъ, ни новизною; противъ входа два кресла изъ гнутаго бука съ плетенками, а по бокамъ три складныхъ табурета. Налѣво отъ входа, на коврѣ стоялъ подносъ; на немъ четыре русскія стакана и чайникъ. Отсутствіе стола и письменныхъ принадлежностей указывало, что въ этихъ дѣловыхъ засѣданіяхъ все рѣшается и разбирается устно. Не смотря на то, что было еще рано, сильная жара давала уже себя чувствовать; я замѣтилъ, что закрытая со всѣхъ сторонъ кибитка не даетъ доступа вѣтру, который бы умирилъ жару.

— Объ этомъ я уже говорилъ этимъ мохнатымъ головамъ, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, но что вы будете дѣлать, они говорятъ: хана нельзя сажать въ открытой кибиткѣ и что его, напротивъ, слѣдуетъ закрывать отъ любопытныхъ глазъ.

Дѣлать нечего, причина убедительная. Въ ожиданіи хана и другихъ членовъ совѣта завязался разговоръ о текущихъ событіяхъ. Подполковникъ Х. рассказывалъ мнѣ о происшедшемъ, на дняхъ, освобожденіи персовъ-рабовъ, которые въ значительномъ числѣ сходятся къ нашему лагерю, о томъ, какъ озлобченъ совѣтъ и правительство хана тѣмъ, чтобы доставить рабамъ средство къ правильному заработку или къ переселенію. Я, съ своей стороны, рассказывалъ о Ханкахъ, Новомъ Ургенчѣ, о симпатіи къ русскимъ, встрѣченной мною въ этомъ городѣ, гдѣ вліятельнѣйшіе люди много разъ бывали въ Россіи по торговымъ дѣламъ и даже владѣютъ болѣе или менѣе русскимъ языкомъ. Передалъ, между прочимъ, и то, что вопросъ объ освобожденіи рабовъ, насколько я могъ замѣтить, есть болное мѣсто почти каждаго семейства. Постоянно и вездѣ къ намъ являлись рабы, показывали слѣды оговъ и просили защиты отъ насилія; вездѣ за ними являлись и узбеки, съ жалобой на шайки бѣжавшихъ рабовъ, которые занимаются, будто бы, грабежемъ, и въ доказательство показывали свои разбитыя головы.

Вскорѣ явился предсѣдатель совѣта, а за нимъ и ханъ. Ханъ подѣхалъ къ кибиткѣ на сѣромъ аргамакѣ; слѣдо изъ пушцоваго

бархата совершенно прикрывалось, длинный до полу, синимъ суконнымъ халатомъ, который, обыкновенно, надръветъ онъ, вывѣзая куда нибудь изъ дворца; на шеѣ его лошади спускалась чешуйчатая, кожаная, золотая лента съ камнями; такой же работы узда, нагрудникъ и подхвостникъ дополняли богатый конскій уборъ. Посадка хана не отличается красотой и молодцоватостью. Вздитъ онъ, обыкновенно, шагомъ, какъ всѣ сановные туземцы въ Средней Азій. Впереди хана ѣхалъ мехтеръ; возлѣ ханской лошади шли пѣшкомъ четверо придворныхъ; диванъ-беги и кучка конныхъ придворныхъ сопровождали хана. Ханъ, мужчина лѣтъ тридцати, носить небольшіе черные усы и бороду; монгольскій типъ сказывается въ черныхъ глазахъ и въ сильно развитыхъ скуловыхъ костяхъ.

Войдя въ кабинетъ засѣданій совѣта, ханъ съ любезной улыбкой поздоровался и пожалъ каждому изъ присутствующихъ руку. Затѣмъ, онъ и председатель совѣта заняли по креслу; остальные члены совѣта развѣстались по бокамъ, на табуретахъ.

Председатель обратился къ переводчику и, указывая на меня, приказалъ передать хану, что я именно тотъ офицеръ, о которомъ ему было говорено, и который ѣдетъ къ нему во дворецъ для того, чтобы сдѣлать нужные наблюденія надъ солнцемъ, луною и звѣздами. Ханъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, можетъ ли человѣкъ что нибудь сдѣлать съ такими отдаленными предметами, какъ небесныя свѣтила, но отвѣчалъ мнѣ пожатіемъ руки и приглашеніемъ быть у него гостемъ.

Такъ какъ время наблюденія допущенныхъ солнечныхъ высотъ приближалось, то я и направился къ двери, раскланявшись съ присутствующими. Переводчикъ передать хану, что я думаю сейчасъ же приступить къ работѣ, и ханъ, давъ мнѣ проводника изъ своей свиты, снабдилъ его необходимыми приказаніями о томъ, гдѣ и какъ меня помѣстить во дворцѣ.

Проводникъ, данный мнѣ ханомъ, опредѣлилъ меня и встрѣтилъ въ воротахъ дворца, которыя были заняты рабами и придворными хана, числомъ до двадцати человѣкъ. Старикъ, съ бѣлою бородою, держалъ въ рукахъ палку, въ родѣ іерейскаго посоха и, повидимому, распорядился у входа. На требованіе мое проводить меня въ мѣсто, назначенное для меня ханомъ, меня ввели въ ворота и помѣстили влѣво отъ воротъ, въ небольшой комнаткѣ у входа въ дворцовую мечеть.

Вслѣдъ за симъ тотчасъ же былъ установленъ инструментъ и наблюденіе началось. Человѣкъ двадцать узбековъ заняли противъ меня мѣсто въ тѣни и смотрѣли съ любопытствомъ; по счастью, никто

изъ нихъ не имѣлъ охоты подѣбствъ поближе подѣ жгучіе лучи солнца, иначе безпрерывныя ихъ замѣчанія на мой счетъ помѣшали бы мнѣ работать. Полуденныя высоты солнца были мною наблюдаемы при подобной же обстановкѣ.

Черезъ часъ послѣ полудня явился ко мнѣ въ комнату одинъ изъ придворныхъ хана, высокій, красивый мужчина, съ черными, какъ уголь, глазами, и ослзистой бородою; съ перваго взгляда нельзя было не признать въ немъ персіянина. Въ рукахъ онъ несъ большой подносъ, покрытый салфеткой.

— Ханъ только что вернулся во дворецъ и посылаетъ тебѣ, господинъ, свое привѣтствіе.

На вскрытомъ подносѣ группировались два блюда съ фруктами, нѣсколько дынь, свертокъ чаю (въ пергаментѣ), ящичекъ съ китайскимъ сахаромъ и маленькая головка русскаго сахару, одного изъ подмосковныхъ заводовъ. Я сдѣлалъ въ это время за чаемъ, который здѣсь большинство русскихъ, подобно туземцамъ, во время сильныхъ жаровъ, пьютъ по нѣскольку разъ въ день. Угостивъ посланнаго чаемъ, я просилъ передать хану мою благодарность за любезный приемъ. Отпуская посланнаго, я ему положилъ на принесенный имъ подносъ маленькій русскій золотой. Посланникъ, увидѣвъ монету, замѣтилъ мнѣ, что принесенное на подносѣ прислано ханомъ; я отвѣчалъ, что монету дарю не хану, а его посланному съ любезнымъ привѣтствіемъ. Персіянинъ, очень довольный, умелъ доложить своему повелителю объ исполненіи порученія.

Сильная жара чрезвычайно меня утомила и я чуть было не пропустилъ времени для наблюденія послѣполуденныхъ высотъ солнца. Окончивъ эту работу, я приказалъ переводчику отправиться на базаръ и купить чего нибудь для обѣда, а также застаться клеверомъ для лошадей. Не успѣлъ переводчикъ мнѣ принести нару цыплятъ и нѣсколько клеверу, какъ является вторично посланный отъ хана, съ просьбой: не могу ли я показать хану, какими инструментами и какъ я работаю? Я отвѣчалъ, что мои работы не составляютъ секрета, и что ханъ можетъ видѣть инструменты. Передавъ это хану, посланный явился вторично, въ сопровожденіи трехъ придворныхъ, и просилъ меня къ хану.

Пройдя первый внутренній дворъ, мы вступили въ темный коридоръ, который, сдѣлавъ поворотъ подѣ прямымъ угломъ, привелъ насъ на второй, меньшій, квадратный дворъ. У входа на этотъ дворикъ стояло человѣкъ десять придворныхъ. Посреди двора виднѣлось круглое возвышеніе, выложенное кирпичемъ, аршинъ десяти

диаметръ, при одномъ аршинѣ высоты. Возвышеніе это, вѣроятно, назначалось для постановки на немъ палатки или кибитки. Въ первомъ углу, направо, видѣлся остовъ бесѣдки (вѣроятно) изъ зелени. Въ другомъ углу, по діагоналѣ, противъ входа, дверь въ коридоръ, ведущій въ гаремъ и на дворцовую башню, которая служила прежде пороховымъ складомъ. Отъ входа налево, на высотѣ двухъ аршинъ надъ землею, расположена тераса, потолкавъ росписанъ яркими красками, три боковыя стѣны выложены узорчатыми изразцами, дающими стройные рисунки. Три деревянные двери, съ рѣзбою, ведутъ въ опочивальню хана, гдѣ онъ, обыкновенно, отдыхаетъ днемъ, отъ двѣнадцати до трехъ или до четырехъ часовъ. На терасѣ, на узорчатой туркестанской кошмѣ, прислонякъ къ рѣзной деревянной колоннѣ, сидѣлъ Сеидъ-Магомедъ-Рахимъ-ханъ.

Протянувъ мнѣ руку, ханъ указалъ мѣсто возлѣ себя на терасѣ, куда поставили также и принесенные со мною телескопъ, кругъ Пистора и ящикъ съ хронометрами. Первымъ былъ вынуть изъ ящика телескопъ. Я объяснилъ, что въ эту трубу я, обыкновенно, наблюдаю, какъ луна, двигаясь, закрываетъ собою то одну, то другую звѣздочку, и изъ этихъ наблюдений узнаю, какъ далеко и въ какой сторонѣ лежитъ это мѣсто отъ другихъ извѣстныхъ мѣстъ, городовъ, ключей и т. п. Я продолжалъ объяснять, что на лунѣ въ телескопъ можно различить множество темныхъ и свѣтлыхъ пятенъ неправильной и разнообразной формы, которыя мы видимъ потому, что на лунѣ такъ же, какъ и на землѣ, есть горы и долины, впадины и возвышенія; что при рассматриваніи солнца мы также замѣчаемъ темныя пятна неправильной формы. Ханъ спросилъ, нельзя ли ему показать эти пятна теперь же.

Тотчасъ же былъ поставленъ телескопъ на каменную площадку посреди внутренняго дворика и наведенъ на край солнца, ближайшій къ горизонту и болѣе богатый въ то время пятнами. Черезъ темное стекло, навинченное на окуляръ, дискъ солнца представлялся сѣро-голубоватымъ. Взглянувъ въ трубу, ханъ сказалъ, что онъ видитъ только небо, но солнца не видитъ. Я ему объяснилъ, что для предохраненія глаза отъ сильнаго солнечнаго свѣта надѣвается на трубу темное, сѣро-синее стекло, чрезъ которое, кромѣ солнца, другихъ менѣе яркихъ предметовъ видно не будетъ, и что часть сѣро-голубого круга, вышняя имъ въ трубѣ, есть часть солнечнаго диска, на которомъ видѣются совершенно темныя пятна, окруженныя полутьною. Ханъ нѣсколько разъ принимался рассматривать, причемъ я устанавливалъ

окуляръ по его глазу, а также позволилъ посмотреть въ трубу нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ и, наконецъ, сказалъ, что пятна на солнцѣ онъ видѣлъ. «Отчего бываютъ пятна на терасу на прежнемъ мѣсто. Я ему рассказалъ теорію Гершеля о физическомъ устройствѣ солнца, какъ болѣе легкую для представленія, а потомъ прибавилъ, что вопросы эти издали мы можемъ рѣшить только гипотезами, болѣе или менѣе согласными съ наблюденіями, но не рѣшающими вопроса категорически, и что въ настоящее время ученые объясняютъ себѣ эти вопросы иначе. «Я думаю, что этого достовѣрно вы знать не можете», сказалъ ханъ и просилъ показать тѣ инструменты, которыми я работалъ въ полдень на дворѣ. Я показалъ хронометры, кругъ Пистора и искусственный горизонтъ; объяснилъ, что кругомъ Пистора можно измѣрить высоту свѣтила надъ горизонтомъ и потомъ, при помощи таблицъ, узнать часъ, минуты и секунды въ моментъ наблюденія, и такимъ образомъ знать, сколько минутъ и секундъ хронометръ идетъ впередъ или отстаетъ. Ханъ для повѣрки своихъ часовъ пожелалъ знать, сколько часовъ прошло послѣ полдня, объяснивъ, что у нихъ полдень считается полтора часа послѣ того, какъ солнце достигаетъ наибольшей высоты. Часы у хана оказались, приблизительно, вѣрны. Я рассказалъ хану, что звѣзды на небѣ поднимаются вечеромъ на востокъ и къ утру опускаются на западъ, за исключеніемъ одной (Polaris), которая почти стоитъ на одномъ мѣстѣ; что звѣзды, лежащія ближе къ Polaris, не восходятъ и не заходятъ, а только вращаются вокругъ нея. Далѣе я объяснилъ, что если стать лицомъ къ этой неподвижной звѣздѣ и продолжать путь въ этомъ направленіи, то чѣмъ дальше уйдешь, тѣмъ болѣе холодныя страны встрѣтишь на этомъ пути, и что, наоборотъ, двигаясь въ противную сторону, будешь находить страны болѣе и болѣе теплыя. Въ холодныхъ странахъ мы будемъ видѣть неподвижную звѣзду гораздо выше, чѣмъ въ теплыхъ, и что, измѣривъ гдѣ-либо высоту этой звѣзды, можно вычислить, на сколько мы ушли въ сказанномъ направленіи отъ каковаго нибудь извѣстнаго мѣста. Далѣе я старался дать понятіе о роли хронометровъ въ путешествіи. Когда въ Хивѣ, сказалъ я, солнце уже взошло, въ то же время гдѣ-нибудь къ западу отъ Хивы, напримѣръ, въ Астрабадѣ, еще ночь. Следовательно, въ одинъ и тотъ же моментъ на востокѣ будетъ считаться больше часовъ, чѣмъ на западѣ.

Если имѣть хорошій хронометръ и опредѣлить по звѣздамъ или солнцу, на сколько онъ идетъ впередъ или отстаетъ въ одномъ горо-

дѣ, потомъ осторожно перевезти хронометръ въ другой городъ и опять опредѣлить по звѣздамъ, на сколько онъ идетъ впередъ или отстаетъ, отъ разности дать возможность судить, на сколько второй городъ восточнѣе или западнѣе перваго. «Къ чему же это служить?» сказалъ ханъ. Пусть представитъ себѣ ханъ, отвѣчалъ я, что мы съ нимъ отправились на кораблѣхъ по одному изъ большихъ морей, о которыхъ онъ, вѣроятно, слышалъ, съ цѣлью пристать къ одному берегу въ известномъ мѣстѣ, положеніе котораго по опыту прежнихъ лѣтъ известно. Черезъ дня два пути насъ окружала бы вода. Никакихъ указаній, гдѣ мы находимся и куда направлять корабль. Небо и вода— вотъ все, что у насъ на много дней впереди передъ глазами. Правда, первоначальное направленіе мы можемъ сохранять по магнитной стрѣлкѣ, уже известной хану; но что мы будемъ дѣлать, если бурей насъ отнесетъ куда нибудь далеко въ сторону? Придерживаясь первоначальнаго направленія, мы уже не попадемъ въ желаемое мѣсто. Остается намъ одно: сдѣлать наблюденія звѣздъ, луны и солнца и узнать, въ какомъ мѣстѣ на землѣ, т. е. въ какомъ разстояніи и въ какой сторонѣ отъ известныхъ мѣстъ мы находимся. Узнавъ это, мы можемъ распорядиться снова направленіемъ корабля, какъ въ началѣ при отпавленіи въ путь. Если во многихъ мѣстахъ мы сдѣлаемъ такіа наблюдёнія звѣздъ, луны и солнца, то можемъ на бумагѣ нанести эти мѣста, такъ что разстояніе между однимъ городомъ и каждымъ изъ остальныхъ будетъ въ одинаковое число разъ меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, и мы получимъ карту, на которой можно назначить рѣки и озера, горы и долины. Имѣя такую карту, легко будетъ опредѣлять разстоянія между городами, увеличивая въ известное число разъ имѣющееся разстояніе на картѣ. На мой вопросъ, видѣлъ ли ханъ наши карты, онъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, какъ у васъ рисуютъ дороги, но такой карты, гдѣ бы были всѣ города, я не видалъ». Со мной, къ сожалѣнію, не было карты Средней Азіи, и я отвѣчалъ, что въ другой разъ принесу показатъ хану такую карту.

Получивъ объясненіе въ употребленіи круга Пистора и хронометровъ, ханъ спросилъ, что дѣлаютъ съ ящикомъ, гдѣ укладывается искусственный горизонтъ. Доставъ инструментъ, я объяснилъ, что высоты свѣтлыхъ небесныхъ считаются отъ стоячей воды или другой жидкости, напримѣръ, ртути, и показалъ, какъ держать кругъ Пистора передъ искусственнымъ горизонтомъ во время наблюденія, и какъ надо поступать, чтобы получить высоту свѣтила. На вопросъ о томъ, каковъ видъ земли, я рассказалъ, что земля кругла и что потому, когда мы подъѣзжаемъ къ городу въ открытой мѣстности,

въ степи, то видимъ сначала верхушки башенъ и минаретовъ, затѣмъ крыши и потомъ уже основаніе городскихъ строеній. Ханъ отвѣчалъ, что онъ это обстоятельство замѣчалъ. Я прибавилъ еще, что нѣтъ надобности предполагать, что земля поддерживается быкомъ или рыбою, на томъ же основаніи, что мы не замѣчаемъ подобной поддержки ни на лунѣ, ни на солнцѣ. «А что ближе, луна или солнце?» спросилъ ханъ. «Луна много ближе къ землѣ. Земля, я уже сказалъ, кругла, какъ яблоко; отъ середины этого яблока до насъ около 6,000 верстъ, менѣе 1,000 ташъ, а до луны въ 60 разъ болѣе. Размѣры земли не слишкомъ велики. По прямому направленію вокругъ земли около 36,000 верстъ, или менѣе 5,000 ташъ. Въ настоящее время, кругомъ земли можно объѣхать менѣе чѣмъ въ три мѣсяца».

Солнце уже садилось, и время для совершенія намаза было не далеко. Я всталъ, пожалъ хану руку и раскланялся; за мной бережно унесли ящичи и инструменты. На другой день утромъ, явились ко мнѣ съ визитомъ разные придворные чины; нѣкоторые изъ нихъ знали по нѣскольку русскихъ словъ. Съдой старецъ, привратникъ, являлся ежедневно, спрашивалъ о здоровьи и, прикладывая руки къ сердцу, говорилъ: «ты мой господинъ, приказывай, что тебѣ нужно, сейчасъ все будетъ исполнено». Я обыкновенно сажалъ его у себя, поилъ чаемъ и спрашивалъ о городѣ и о всѣмъ, что меня интересовало. Онъ, подобно большинству ханскихъ придворныхъ, былъ изъ плѣнныхъ персіянъ. Впослѣдствіи, онъ былъ мнѣ полезенъ тѣмъ, что познакомилъ меня съ казы и главнымъ муллою въ дереве Полванъ.

Наступилъ вечеръ. Приготовившись къ вечернимъ наблюденіямъ, я прохаживался по дворнику дворцовой мечети. Ханская прислуга, разославъ у воротъ и въ разныхъ углахъ двора кошки, поужинавъ пилавомъ, расположились на отдыхъ. Часовъ въ десять вечера, когда уже было совсѣмъ темно, я замѣтилъ суматоху на дворѣ. Я вышелъ узнать о причинѣ и увидѣлъ, что прислуга сѣбно одѣвается и занимаетъ обычные мѣста. Вскорѣ показался ханъ, впереди пробѣжали два джигита, что то въ родѣ скороходовъ; вокругъ хана, шли четверо придворныхъ, позади два мальчика несли матрацъ и подушки. Когда процессія прошла за ворота и направилась черезъ площадь, я узналъ отъ ханскихъ слугъ, что ханъ отправился по обыкновенію провести ночь въ своемъ гаремѣ, который помѣщался теперь не далеко отсюда, въ другомъ дворцѣ.

Обыкновенно утро, съ девяти часовъ до полудня, ханъ проводитъ

въ совѣтъ, о которомъ я уже говорилъ; въ полдень прѣбываетъ въ свой дворецъ, гдѣ отдыхаетъ часа три или четыре; затѣмъ, до заката солнца, производитъ судъ и рѣшаетъ текуція дѣла, по закатѣ солнца ужинаетъ и часомъ въ десять вечера, отправляется въ гаремъ. У хана четыре жены и до пятидесяти невольницъ. Въ день занятія Хивы, одному изъ европейцевъ, не принадлежащему къ русской арміи, удалось, съ позволенія дамъ, пробраться въ гаремъ, помѣщавшійся тогда въ здѣшнемъ дворцѣ. Онъ нашелъ по сторонамъ обширнаго двора, въ двухъ-этажныхъ зданіяхъ болѣе пятнадцати помѣщій, изъ двухъ и трехъ комнатъ каждое (не считая трехъ большихъ кабинетовъ посреди двора), устланныхъ коврами, коврами, одѣялами, пуховиками, надушенными до нельзы розовымъ масломъ, заставленныя различными сумками и хозяйственными принадлежностями. Въ гаремѣ тогда было около тридцати женскихъ существъ, на половину взрослыхъ, на половину дѣтей, изъ нихъ двѣ или три старухи и пять или шесть красивыхъ, молодыхъ женщинъ. Самого хана тогда въ Хивѣ не было, онъ уѣхалъ за день въ г. Казаватъ, и, вѣроятно, увезъ съ собою и любимѣйшихъ женъ. Молодыя дамы впустили европейца въ гаремъ изъ любопытства, и держали себя относительно его довольно учтиво и лобезно, но двѣ старухи, какъ фурія, бросились на любопытнаго, и съ шумомъ, и угрозами заставили его удалиться. Все это я слышалъ не отъ хивинцевъ, которые о подобныхъ вещахъ весьма неохотно ведутъ разговоръ.

Часомъ въ пять по-полудни, ханъ пригласилъ меня къ себѣ на закуску; обѣдъ у хивинцевъ бываетъ по закатѣ солнца. Я нашелъ хана на той же терасѣ, гдѣ видѣлъ его и въ первый разъ. На послѣдней ступенькѣ, у входа на терасу, сидѣлъ какой-то пожилыхъ лѣтъ сановникъ; вскорѣ пришелъ и новый диванъ-бегі Матъ-Ніазъ, вмѣсто смѣненнаго, вслѣдъ за приходомъ русскихъ, Матъ-Мурада. Ханъ, усадивъ меня рядомъ, подвинуть ко мнѣ блюдо съ пирожками, одѣянными изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста на короньемъ маслѣ и начиненными какини-то пряными кореньями. Матъ-Ніазу и другому придворному было подано каждому также по блюду; опустясь на колѣни, они уничтожали эти пирожки съ большимъ апетитомъ; вѣроятно, этого требовалъ этикетъ. За пирожками слѣдовало пить, а затѣмъ зеленый чай безъ сахару. Во время этой закуски, Матъ-Ніазъ и другой придворный хранили полное молчаніе. Ханъ, поздоровавшись, освѣдомился о моемъ здоровьѣ и отрекомендовалъ Матъ-Ніазу и другому мирзу.

Въ тотъ же день, мнѣ удалось осмотрѣть двѣ мечети. Одна изъ

нихъ, еще не совсѣмъ оконченная, на площади противъ дворца, построена нынѣшнимъ ханомъ въ 1872 году. При мечети медресе, главнымъ учителемъ котораго хивинскій казы. Учениковъ въ это время было очень мало; но знаю, было ли то время ваканцій, или разбрелись они по случаю смутнаго времени. Медресе, двухъ-этажное зданіе, со стрѣльчатыми окнами, имѣетъ по срединѣ внутренней дворъ, окруженный рядомъ келій, каждая въ двѣ комнаты, въ которыхъ помѣщаются ученики; посреди двора устроенъ колодезь. Преподаваніе производится въ залахъ, изъ которыхъ одна, въ которой преподаетъ главный казы, и гдѣ производится экзамены на степень мудлы, отличается обширностью и высокимъ стрѣльчатымъ (островерхимъ) сводомъ; наверху расположено маленькое рѣшетчатое окно, за которымъ во время экзаменовъ, невидимо для учениковъ, присутствуетъ ханъ. Архитекторъ этого медресе устроилъ куполъ или, вѣрнѣе, сводъ, такъ что каждое слово, сказанное ученикомъ въ залѣ, хотя бы очень тихо, явственно слышится въ рѣшетчатомъ окнѣ. Тамъ для хана имѣются двѣ съ особымъ входомъ комнаты, изъ которыхъ одна одѣяна обоями. Казы помѣщается въ такихъ же двухъ комнатахъ, выходящихъ на внутренней дворикъ, какъ и его студенты. Казы принялъ меня лобезно и предложилъ зеленого чаю безъ сахару. На мой вопросъ о предметахъ преподаванія, онъ объяснилъ, что учениковъ здѣсь, какъ и повсюду въ ханствѣ, учатъ, исключительно, чтенію, письму, пониманію корана и шариата. «Правда», прибавилъ онъ, «очень давно обучали въ Хивѣ и медицину, но теперь этимъ искусствомъ занимаются исключительно персіяне». О географіи и математикѣ въ преподаваніи нѣтъ и рѣчи. Узнавъ, что я занимаюсь астрономическими наблюденіями, казы обратился ко мнѣ за разрѣшеніемъ спорнаго у нихъ вопроса: «сколько небесъ»? «Одни у насъ», говорилъ казы, «утверждаютъ, что ихъ семь, другіе говорятъ девять и одиннадцать; сколько по вашему?» Я ему старался разъяснить, что голубой сводъ надъ нами есть слѣдствіе отраженія лучей свѣта въ воздухъ, но казы такимъ объясненіемъ остался, кажется, недоволенъ; за то географическая карта Средней Азіи и рѣшеніе по ней вопросовъ о растояніяхъ и положеніи извѣстныхъ казы городовъ привело его въ совершенный восторгъ. Онъ видѣлъ карту въ первый разъ.

Во время нашей бесѣды явился къ казы молодой персіанинъ, въ богатой хивинскій одеждѣ. «Онъ пришелъ заявить мнѣ отъ имени своей сестры, которая замужемъ здѣсь за однимъ узбекомъ, желаніе ея развестись съ мужемъ и идти съ персіанами на родину», объяс-

ниль мнѣ казы и, взявъ доскутокъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ и отдалъ его мальчику—это былъ вызовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ предъ казы высокая красивая женщина дѣтъ 22-хъ и богатый узбекъ дѣтъ 40. Не знаю, чѣмъ кончилось судебное разбирательство, но я слышалъ, что расторженіе браковъ по шаріату, въ Хивѣ, дѣло нерѣдкое.

Другая мечеть, осмотрѣнная мною, была Полванъ-медресе; мечеть эта служить мѣстомъ прирѣзня и обученія отъ 60 до 70-ти слѣпыхъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ. Слепцы эти содержатся частью добровольными приношеніями но, главнымъ образомъ, на ханскія суммы.

Пройдя высокія ворота, я вступилъ на внутренний дворъ; нѣтъ отъ входа—помѣщеніе семейнаго муллы, начальника богадѣльни, направо площадка передъ нишею, окруженная рѣшеткой—это мѣсто совершенія молитвъ. Всѣхъ намазовъ у нихъ пять, изъ нихъ первый до восхода солнца, послѣдній на закатѣ. Въ глубинѣ внутреннего дворика возвышается высокий храмъ съ куполомъ, совершенно лишенный свѣта, такъ что днемъ для осмотра зданія пришлось зажечь какой-то библейскій свѣточъ, формою напоминающій башмачекъ. По срединѣ спускалось съ купола русской работы панинадло, совершенно какъ въ русскихъ храмахъ; въ углу, противъ входа, окружены рѣшеткой двѣ могилы хивинскихъ хановъ. Арка нѣтъ ведетъ въ другой меньшаго размѣра храмъ или часовню, также совершенно темную, построенную надъ могилою хивинскаго святаго Полвана. Надъ входомъ въ эту часовню надпись: «Не лучше ли споконно лежать здѣсь, чѣмъ постоянно встрѣчаться въ мірѣ не только съ хорошими, но и съ худыми людьми». Стѣны всѣ сдѣланы изъ узорчатыхъ изразцовъ. Синіе остроугольные рисунки расположены строго симметрично.

Помѣщеніе слѣпыхъ раздѣлено на три яруса и занимаетъ пристройку направо отъ храма. Изъ одного этажа въ другой ведутъ узкія, совершенно темныя, съ частыми, крутыми поворотами лѣстницы. За исключеніемъ этихъ опасныхъ лѣстницъ, помѣщеніе слѣпцовъ довольно опрятно. Большинство слѣпыхъ, которыхъ я видѣлъ, потеряли зрѣніе отъ оспы, но было нѣсколько человекъ и съ катаркомъ. Главный мулла рассказывалъ мнѣ, что оспа составляетъ самую губительную и распространяемую болѣзнь въ ханствѣ, что за болѣвшему они стараются доставить облегченіе, прокалывая иглами кожу и мускулы на рукѣ, между указательнымъ и большимъ пальцами, и впуская въ проколы оспennую матерію. «У меня было два

сына и оба умерли отъ оспы въ первые года ихъ жизни; не знаешь ли чѣмъ предохранить третьяго моего сына?» говорилъ мулла. Я ему рассказалъ о нашемъ предохранительномъ оспопрививаніи и предложилъ обратиться къ русскому доктору; мулла согласился съ радостью, но потомъ, на другой день, вѣроятно, переговоривъ съ женою, отказался отъ докторской помощи. Могила хивинскаго святаго Полвана, по словамъ муллы, болѣе 500 дѣтъ, а храмъ, въ томъ видѣ какъ теперь, построенъ всего тому назадъ дѣтъ 60.

Свободные часы слѣдующаго дня я посвятилъ осмотру города. Въѣзжая въ Хиву по дорогѣ отъ города Хазаръ-асна и проѣхавъ ворота съ башнями въ городской стѣнѣ, мы встрѣчаемъ площадъ у самой стѣны, а далѣе, вправо отъ дороги, идетъ грязный переулокъ, окруженный заколоченными лавочками: это невольничій рынокъ, съ приходомъ русскихъ, окончившій свое существованіе. Здѣсь можно было прежде покупать персіянокъ за 100 тилей, а персіявъ за 200 (1 тилей = 1 руб. 80 коп.). Для сравненія, замѣтимъ, что порядочная туркменская лошадь дѣнится здѣсь въ 300—400 и болѣе тилей; верблюдъ въ 30—40 тилей, а оселъ отъ 3 до 10 тилей. Далѣе, по дорогѣ къ главному базару, уже среди города, попадаетъ на глаза кладбище и стоящая тутъ же висѣлица. На другой день манифеста объ освобожденіи рабовъ-персіянокъ, ханъ, вѣроятно, для нагляднаго доказательства равноправности, повѣсилъ одного узбека и одного персіянина, на которыхъ принесены были жалобы: на узбека — его рабомъ, а на персіянина — его владѣльцемъ.

На главномъ базарѣ, по обѣимъ сторонамъ довольно узкой улицы, сидѣли въ лавочкахъ торговцы. Прежде всѣхъ попадаетъ на глаза мясникъ; мясо у него разрѣзано на кусочки и натыгано на вѣшалку съ острыми спицами; рои мухъ покрываютъ не покрытое ни чѣмъ мясо. Бараний курдюкъ или разрѣзается полосами вдоль или виситъ цѣликомъ до востребованія. Для убои барановъ имѣется близъ базара, у вторыхъ воротъ, особый темный подвалъ, но торговцы для скорости производятъ нерѣдко эту операцію и на дворахъ своихъ лавокъ, если не въ самыхъ лавкахъ. У продавцевъ овощей встрѣчается множество луку, моркови, красного стручковаго перцу, длинные огромные огурцы; картофелю и капусту вовсе не видно. Хотя и говорили мнѣ, что въ Чимбаѣ есть картофель, но самому мнѣ никогда видѣть его не приходилось. У продавцевъ плодовъ, въ іюль мѣсяцѣ, было множество прекрасныхъ и разнообразныхъ дынь; урюкъ уже былъ къ концу, персики только что начинали посѣвѣвать, виноградъ хотя и встрѣ-

чался на базарѣ, но еще не спѣлымъ. Арбузовъ тоже мало—вѣроятно рано было.

Въ чай-хане угощаютъ зеленымъ чаемъ и кальяномъ. Вся эта базарная улица крыта кое-какъ и чѣмъ попало отъ солнечныхъ лучей. На концѣ улицы, гдѣ помѣщаются кузницы и складъ соли (въ помѣхахъ), я встрѣтилъ желѣзные ворота, а за ними крытый базаръ; тамъ продавали сахаръ въ маленькихъ головкахъ по пяти фунтовъ, какого-то подмосковнаго завода въ Сокольникахъ, по 35 и 50 копѣекъ за фунтъ, чай зеленый, китайскій (грубый) и русскій фарфоръ, т. е. полоскательныя чашки отъ (50 коп. до 5 руб.) и чайники, подносы раскрашенные, русской и китайской работы, лимоны въ банкахъ, нарѣзанные домиками на сахарномъ сиропѣ по 1 и 2 руб. фунтъ, хлопковъ, русскіе ситцы, мѣстныхъ канаусъ и различный мелкій товаръ. Изъ минераловъ на сбруѣ, можно встрѣтить сердоликъ и бирюзу низкаго качества. Туркменскіе шерстяные ковры, длиною отъ пяти до шести аршинъ и отъ трехъ до четырехъ аршинъ ширины, цѣнятся въ 25 и 40 рублей. Муку можно получить прямо на мельницахъ, которыхъ много въ разныхъ частяхъ города. Это сааги, по срединѣ которыхъ жернова съ самымъ простымъ приводомъ-рычагомъ приводятся въ движение верблюдомъ или осломъ. Тутъ же устраивается въ комнатѣ рядомъ съ подобнымъ же приводомъ и маслобойня для добыванія кукурузнаго масла. Шудъ муки пшеничной съ отрубями продавался по 70 коп.; фунтъ рисовой крупы по 2, 3 и 4 коп.; изюмъ 10 и 15 коп. за фунтъ. На базарѣ встрѣчаются и женщины-покупательницы; онѣ закрываютъ лицо черною волосяной сѣткою, но надо полагать, что онѣ стали это дѣлать только съ прихода въ Хиву русскихъ, потому что всадъ въ Хивинскомъ ханствѣ женщины лица не закрываютъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ ватнаго халата, стеганнаго вдоль и крытаго полосагою (вдоль же) бумажною матеріею, изъ прочныхъ желтыхъ сапоговъ, безъ туфель, сшитыхъ изъ коровой кожи, съ загнутымъ немного вверху остроконечнымъ носкомъ и изъ бараньей черной, по преимуществу, высокой шапки. Нарядъ женскій состоитъ изъ сапоговъ, сшитыхъ изъ бараньей шагреновой кожи (чики) и по верхъ нихъ туфель, изъ шароваръ, изъ шелковаго до колѣна халата съ широкими рукавами и изъ цилиндрическаго закругленнаго вверху ярко-цвѣтнаго или парчеваго головнаго убора. При выходѣ на улицу, поверхъ шелковаго халата женщины нагиваютъ на плеча другой синій халатъ съ длинными, узкими рукавами, пришитыми на спицѣ.

Улицы вообще узки, обставлены высокими стѣнами, окружающими

каждую постройку, конечно, безъ оконъ (на улицу), а если такія изрѣдка и встрѣчаются, то бываютъ всегда задѣланы деревянными рѣшетками. Передъ отъѣздомъ изъ Хивы въ русскій лагерь, я обошелъ ханскій дворецъ, который со всѣми постройками обнесенъ высокою зубчатою стѣною. Тамъ кромѣ мечети, гарема, помѣшенія хана и его слугъ, видѣлъ я монетный дворъ (на дворѣ мечети), пороховой заводъ и складъ пороха въ самой высокой надстройкѣ—четырехъ-угольной башнѣ. Обширное хозяйство и кухня—при гаремѣ. Кромѣ ханскаго дворца, есть въ Хивѣ еще дворцы у дяди и братьевъ хана. Одинъ изъ нихъ, Атаджанъ (*), не въ ладу съ братомъ-правителемъ, и, до прихода русскихъ въ Хиву, содержался въ заключеніи. Ему симпатизируютъ рабы персы, и ханъ, кажется, подозрѣвалъ его въ желаніи произвести какой-нибудь переворотъ, опираясь на рабовъ.

Утромъ, въ день назначенный мною для выѣзда въ лагерь, пришелъ мой джигитъ-переводчикъ и доложилъ, что ханъ прислалъ подарки. За переводчикомъ слѣдовалъ одинъ изъ придворныхъ хана, неся пачку русскихъ асигнацій, не знаю сколько ихъ было счетомъ; другой хивинецъ держалъ на дворѣ въ поводу рыжую лошадь. Вошедшій въ комнату сказалъ: «Ханъ посылаетъ тебѣ, господинъ, въ подарокъ коня и деньги; у насъ обычай дарить гостей конемъ и золотыми, при отправленіи ихъ путь; но при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ ханствѣ, ханъ не имѣетъ въ своей казнѣ золотыхъ и потому посылаетъ тебѣ русскія деньги». Я велѣлъ благодарить хана за лошадь, а деньги отъ моего имени просилъ передать въ хивинскія мердесе.

Лошадь, съ разрѣшенія начальства, я принялъ и отдалъ хану ковромъ и револьверомъ. Не знаю, справедливо ли было завѣщеніе придворнаго о пустотѣ ханской казны, но отъ самаго хана мнѣ удалось слышать такое мнѣніе: «деньги—что, потерять ихъ ничего не значитъ, была бы власть въ рукахъ, а деньги будутъ».

Вернувшись въ русскій лагерь, я застаю тамъ приготовленія къ походу на юмудовъ.

С.—

(*) Атаджанъ, какъ извѣстно, проживаетъ теперь въ Тимелисѣ. Ред.